

DOI 10.23859/2587-8344-2017-1-1-7
УДК 908

Александр Михайлович Дронов
аспирант, младший научный сотрудник
Институт славяноведения Российской академии наук
Москва, Россия
dronov938@rambler.ru

**Рецензия на: «Границы и пограничье в южнороссийской истории»
(материалы Всероссийской научной конференции, г. Ростов-на-Дону,
26–27 сентября 2014 г.)**

Аннотация. Данная рецензия посвящена сборнику статей «Границы и пограничье в южнороссийской истории», куда вошли статьи, в той или иной мере охватывающие проблематику в рамках междисциплинарного подхода границ и пограничий, известного в России как наука лимнология. В рецензии говорится о недостатках и достоинствах построения сборника, а также разбираются его статьи, исходя из их научной актуальности и специализации автора рецензии по теме австрийской Военной границы как хорошем поле для исторической компаративистики.

Ключевые слова: фронтир, границы, пограничье, лимнология, историческая география, история Юга России, свой – чужой, культурная память, казачество

Осенью 2014 г. в Ростове-на-Дону прошла всероссийская конференция, посвященная границам и пограничью в истории Юга России. Вскоре в свет вышел сборник, составленный из докладов, переработанных в статьи. Составители отказались от проблемного принципа, сгруппировав материал в алфавитном порядке фамилий авторов¹. В данной рецензии предпринята попытка тематически заостренного анализа статей в контексте их применимости к изучению истории Военной границы в монархии Габсбургов.

1. Термины и методология

Согласно утверждению А.В. Баранова в статье «Методы исследования пограничных сообществ в исторической географии (на материалах Юга России)», контактная зона – это периферия центра (ядра) цивилизации, находящаяся при

¹ На сборник уже вышла рецензия Ю.Д. Анчабадзе, и в ряду недостатков автор называет как раз отсутствие проблемного подхода к композиции тома. См.: Анчабадзе Ю.Д. Рец. на кн.: Границы и пограничье в южнороссийской истории: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов на/Д., 2014. 627 с. // Этнографическое обозрение. 2016. № 3. С. 180.

этом не обязательно географически на окраине государства. Основной ее признак – зависимость от центра, подражание ему (с. 72). Контактную зону формируют реальные объекты трех типов: площадь (территория), границы (линейные контуры) и столичные центры. При этом площадь контактной зоны может быть невелика, главное ее качество – «проницаемость» для взаимного влияния участников коммуникации (с. 72).

Другой автор – Е.И. Малето – приводит такие определения ключевых понятий: граница – это линия внешнего предела территории одного государства, отделяющая его от сопредельной территории другого государства; пограничье – это контактные зоны, в которых активно идет взаимодействие культур, сопредельных стран, народов, регионов. В то же время это зоны потенциальной территориальной конфликтности (например, межэтнической, религиозной) и борьбы за сферы влияния (с. 347). Определение границы по Малето полностью соответствует традиционному ее пониманию в российской лимологии (лат. *limes* – черта) – науке о границах и пограничье как разновидности их общего междисциплинарного направления изучения, основы которому заложил американский географ Ф. Тернер.

Между тем, фронтир также является подвижной границей. В статье коллектива авторов из Тамбова (Д.С. Жуков, В.В. Канищев, С.К. Лямин) утверждается, что «фронтирная динамика – это не просто движение границы, это трансформация пространства, переход в новое качество» (с. 235). При этом они дают такое определение фронтира: «территория, которая на определенном этапе истории абсолютно не тождественна будущей метрополии, а через какое-то время становится полностью однородной частью «материнского» государства и общества» (с. 235). Авторы в качестве примера подвижного фронтира на основе имеющихся статистических данных смоделировали процесс инкорпорации территории почти незаселенного и плохо очень освоенного русскими Дикого поля в состав Российского государства с середины XVI до середины XIX вв.

Вместе с тем, рассмотрение термина «фронтир» возможно и в других ракурсах. О.С. Якушенкова в статье о «Трансформации телесности в условиях фронтальной гетеротопии» дает следующее толкование предмету исследования: чаще всего это «особая территория между миром обжитым, окультуренным или цивилизованным, и миром диким или девственным». Отсюда она выводит термин – «фронтирное тело» – пространство (в фуконианском смысле), естественным образом оказавшееся носителем этой дикости, необузданности и т. п. (с. 613) Человек по ту сторону фронтира – Чужой – дикарь, дитя природы, т.е. эквивалент животной среды (с. 614). Находясь на границе ойкумены, Чужой обладает «натуральным» телом (с. 615), которое, даже если воспринималось близким к человеческому, наделялось некими свойствами, приближающими его к природе. Например, непонятный язык Чужого считался близким к языку зверей (с.

616). Можно сказать, автор находит ключ к пониманию проблемы возникновения стереотипов у соседних или контактирующих народов. Однако ее теория, как представляется, не вполне подходит для понимания «тела» таких искусственных фронтиров, как Военная граница монархии Габсбургов.

В статье «Сигнификация культурной памяти в условиях фронтальной гетеротопии» С.Н. Якушенко привлекает исследования по исторической памяти. В частности, он пишет: «Современный межкультурный диалог на территориях, которые можно отнести к фронтальным зонам, невозможен без ориентации на определенные сигнификаты, как правило, завязанные на культурную память фронтальных этносов» (с. 605). Под сигнификатом здесь понимается знак, вписанный в исторический контекст и выступающий в качестве ценностного ориентира, а также зафиксированный в любой форме праксиса. Поскольку «на фронтальной территории в формировании культурной памяти участвуют самые разнообразные этнические акторы», то «их сигнификаты столь же разнообразны, а порой и взаимоисключающи» (с. 606).

Л.В. Баева в статье «Зона Северного Прикаспия и Нижнего Поволжья как фронт: классификация и характеристика» уделяет большое внимание типологии понятия «фронт». Ею выделяются цивилизационный, межкультурный, конфессиональный, этнический (антропологический), языковой (лингвистический), военно-политический, технологический, информационный, ценностный фронты, а также ментальный, теоретический, парадигмальный фронт (с. 56–57). Она отмечает, что «особым явлением фронта является „фронтальный человек“, личность, открытая для новых решений, выборов, перемены мест, отличающаяся высокой восприимчивостью нового, ментальной свободой, творческим, синкретическим видением реальности, авантюризмом, нетерпимостью к ограничениям, жесткой регламентации и организации жизни» (с. 61).

Завершая характеристику статей, посвященных методологии изучения границ и пограничья, хотелось бы не согласиться с Ю.Д. Анчабадзе, который пишет о невозможности рассматривать фронт одновременно как зону конфликта и межкультурной коммуникации². По сути, любой фронт нельзя представить без этих двух факторов, и это подтверждают конкретно-исторические исследования в рецензируемом сборнике.

2. Казачество как пограничное сообщество

Р.Г. Такиджян в статье «Проблемы трансформации донского казачества в системе российского юго-восточного пограничья в XVI–XX вв.» предлагает оригинальную периодизацию истории донского казачества. На первом этапе, с

² Границы и пограничье в южнороссийской истории: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов на/Д., 2014. 627 с. // Этнографическое обозрение. 2016. № 3. С. 181.

XIV до конца XVII вв., появились «предшественники казачества и первые устойчивые казачьи сообщества», «военизированные общины» на географическом пространстве Подонья – Приазовья и степного Предкавказья, что было связано с распадом Золотой Орды. Именно на этом этапе сформировался казачий «субэтнос (соэтнос) великорусского народа», который состоял из трех основных этнических и конфессиональных групп: титульной – восточнославянской «православно-старобрядческой», тюркско-кавказской мусульманской и ойратской ламаистской. На втором этапе с конца XVII в. до 60-х гг. XIX в. произошло включение казачьих войск-земель в состав Российской империи и превращение самих казаков к началу XIX в. в «субэтническое квазисословие». На третьем этапе – до начала XX в. – окончательно сформировалась Область Войска Донского и сложилось «этносословное единение» казаков в противовес приезжему населению. На четвертом этапе, или в советский период в истории казачества (1917–1991), в отношении него проводилась политика «расказачивания». Наконец, в наши дни наблюдается возрождение «неоказачества» (с. 542–547).

Более общая периодизация историка казачества С.В. Черницына имеет ряд отличий. В статье «Войско Донское и соседи. Тенденции этнокультурных контактов с этнической метрополией в условиях военного фронта» он выделяет два периода в досоветской истории донского казачества. Первый (рубеж XV–XVI вв. – первая четверть XVIII в.) охватывает становление донского казачества вплоть до «активной политической интеграции Земли Донской в состав Российской империи», что сочеталось с утратой автономии, а также началом социальных и культурных изменений. Во второй период (первая четверть XVIII – начало XX вв.) донское казачество превратилось в сословие, а казаки – в субэтническую группу русского народа (с. 570–571).

Другой историк казачества – Ю.А. Булыгин – в статье «Истоки донского казачьего предпринимательства на южной границе Российской империи» обращает внимание на природно-климатический фактор. «Степные просторы для русского народа всегда были символом свободы: степь воспевается в песнях, представляет предмет мечтаний, с ней связана любовь к странствиям, искание воли» (с. 144). Он также приходит к выводу, что фактором вовлечения казачества в предпринимательство стала политика властей. «Правительственные акты способствовали развитию казачьего землевладения, законодательно закрепив за Войском земли, а за крупными чиновниками и офицерами дворянский статус, что привело к появлению слоя предпринимателей из казачьей среды» (с. 152). В качестве причины «естественного ответа на реалии времени» историк называет «необходимость сбывать полученную в результате военных походов добычу», что побуждало казаков выходить на рынок (с. 152).

Вклад современного австрийского историка народов Российской империи рассматривает Н.А. Мининков в статье «Казачество как пограничное сообщество в исторической концепции А. Каппелера». Интересен его вывод о том, что «степной рубеж был местом не только ожесточенной длительной и упорной борьбы. Это также было место разнообразных контактов между местными сообществами и отдельными людьми». Здесь Каппелер особо выделяет контакты – коммерческие и культурные (с. 373), а также феномен «личных связей» в степной полосе, откуда брала свое начало и сама пестрота этнического происхождения казачества, наличие в казачьей культуре элементов культуры соседей (с. 373). Мининков отмечает, что в понятие о казачестве как о приграничном сообществе Каппелер вкладывает «новый взгляд», исходит «из признания его как сообщества, способного к установлению многообразных контактов с соседями» (с. 373).

Используя тернеровскую теорию фронта, Каппелер выделяет «некоторые черты сходства между казачеством и сообществами «Дикого Запада», по типу открытых границ и наличия конфронтации в отношениях казаков с соседними кочевниками. Выработанные в казачьей среде «фронтирные признаки» были «затушены» лишь советской властью, поэтому современный «ренессанс» казачества после краха коммунистической идеологии Каппелер считает уже не возрожденным казачеством, а «неоказачеством», хотя и видит преемственность «неоказаков» с казачеством начала XX века (с. 378). Наконец, австрийский историк называет казачество лишь одним из проявлений определенного жизненного уклада, распространенного от Адриатики до Урала, и перекидывает мостик от русского и украинского казачества к граничарам монархии Габсбургов и ускокам Адриатического побережья.

Важному периоду в истории казачества в России и граничар в монархии Габсбургов (1860–1880-х гг.) посвящена статья ростовского историка А.Ю. Перетяtko «Оценка роли границы в истории донского казачества авторами 1860-х – 1880-х гг.: Н.И. Краснов, М.Н. Харузин, С.Ф. Номикосов». Ведь в отличие от Габсбургской монархии, где в это тридцатилетие произошла трансформация империи в дуалистическую Австро-Венгрию, а Военная граница была полностью упразднена вместе с сословием граничар, в России Военное министерство приняло решение не расформировывать казачьи войска, в том числе и Область Войска Донского. Если одной из причин упразднения Военной границы в Монархии Габсбургов стала утрата угрозы с юга (от Османской империи), то в России, как писал в 60-е гг. XIX в. историк казачества Н.И. Краснов, необходимость казачьих войск была вызвана исторически их пограничным положением (с. 426). После поворотного решения Военного министерства не упразднять казачьи войска Краснов кардинально поменял свою позицию. Теперь и он, и С.Ф. Номикосов доказывали, что казачество скорее существовало не из-за, а

вопреки пограничью, и что после утраты пограничного положения казаки даже выиграют, так как граница всегда тормозила их гражданское развитие (с. 426). М.Н. Харузин одним из первых обратил внимание на то, что казачество возникло на границе оседлого и степного миров. Кроме того, рассматривая историю казаков со славянофильской точки зрения, ученый пришел к выводу, что их жизнь представляла собой вариант типично русский, но сформировавшийся в степных условиях (с. 426).

3. Засечные черты Русского государства и освоение Дикого поля в XVI – XVIII вв., взаимоотношения с Османской империей, Крымским ханством, Речью Посполитой

Д.А. Ляпин в статье «Специфика структуры местного самоуправления в городах верхнего Дона в первой половине XVII в.» приводит данные, которые можно сравнить с устройством Военной границы монархии Габсбургов. Особенность российской засечной черты XVII в. заключалась в том, что этот период характеризуется ослаблением центральной власти в стране после пережитой Смуты. Поэтому развитие получили органы местного самоуправления, в том числе и на засечной черте. Так, низовые административные функции осуществляла местная мирская община. Однако население города выбирало также такие важные должности, как губного старосты и осадного головы. В результате, долгое время назначаемой сверху оставалась лишь должность воеводы.

На примере статьи В.В. Грибовского можно понять, чем пограничье между монархией Габсбургов отличалось от пограничья русских земель с вассалами Османской империи, в первую очередь, Крымским ханством. В первом случае граница была точно определена на местности, во втором – пограничьем служило Дикое поле, не разграниченное между государствами. Причем, Россия в данном случае была для Европы явным исключением. Автор отмечает, что «для Польши (как и для Габсбургов. – А.Д.) было характерно внимательное отношение к границам и регулирующим их актам» (с. 187). Польша подчеркивала преемственность с владениями Великого княжества Литовского, когда в переговорах с Портой отстаивала свои владения, в частности, выход к Черному морю. Следует отметить, что южная граница России вообще не фиксировалась в международных договорах. Этот феномен автор объясняет тем, что «причерноморская степь гораздо труднее поддавалась разграничению из-за пестрой и быстро меняющейся чересполосицы, образовавшейся в результате почти неконтролируемого расселения жителей пограничья» (с. 190).

Важным в статье В.В. Грибовского является раскрытие феномена возможности сотрудничества пограничных обществ, в религиозном и языковом плане не имеющих ничего общего и притом еще и традиционно враждебных друг другу при появлении внешней угрозы, общей для каждого из них. Так, во время попытки в начале XVIII в. провести точную границу между Россией и Осман-

ской империей по степи, которую считали своей как запорожские казаки, так и Крымское ханство, последние (казаки и татары) стали сближаться и попытались совместно противостоять как русским, так и туркам. В результате, туркам пришлось силой усмирять строптивного вассала-хана, а русским приложить максимум дипломатических усилий для удержания запорожцев от восстания, тогда как на Дону восстание все-таки вспыхнуло.

4. Кавказский фронт

О смысле организации Северокавказского фронта говорится в статье И.Х. Тхамоковой «Кавказская линия и кабардинцы: к проблеме этнокультурных границ». В ней автор объясняет создание укрепленной границы на Северном Кавказе тем, что «фактическое включение Кабарды в состав империи было процессом длительным и сложным», при этом «власти стремились отделить Кабарду от степного Предкавказья, которое быстро осваивалось русскими переселенцами» (с. 560). Историк замечает, что «жившие по разные стороны Кавказской Линии люди, хотя и считались подданными одного государства, но долгое время различались социально-политической и правовой системой, религией, языком, особенностями хозяйства, материальной и духовной культурой». Это выражалось в том, что «по одну сторону границы действовала власть царской администрации, законы Российской империи, по другую – сохраняли свои права кабардинские князья, функционировали нормы обычного права и шариата» (с. 563). Контакты русского населения на Линии и кабардинского за Линией имели форму в основном боевых столкновений или более мелких стычек. Поэтому казаки перенимали у горцев только оружие, технику боя, форму седел, а также военную одежду. Тхамокова отмечает устойчивость этнокультурных границ на Кавказе в конце XVIII – начале XIX вв. Так, переходившие на русскую службу и даже получившие образование в Петербурге кабардинские князья не ощущали себя русскими, они служили в русской армии, росли в чинах, получали воинские награды, но при возвращении на родину снимали их и вели в соответствии с горскими обычаями. Таким образом, пересечение Линии означало для них смену социальной роли (с. 568–569).

В статье «Торговые отношения горцев и официальной власти: путь преодоления северокавказского фронта в первой половине XIX в.» Е.Г. Берберова пишет, что «торговля в условиях пограничья была сосредоточена в руках представителей определенных национальностей, в основном армян, греков и евреев», так как «для многих горцев заниматься торговлей было не просто не престижно, но даже зазорно» (с. 106). Кроме того, автор указывает, что «воспитанные в духе культа воина, горцы высокомерно относились к тем, кто не разделял их мировоззрения». При этом «аналогичные предубеждения мы видим и у казаков, которые ментально были близки к своим соседям-соперникам» (с. 106). Важной является характеристика автором взаимодействия горцев с русской по-

границной линией: «Свобода в перемещении по линии по торговым надобностям являлась одним из условий принятия горцами присяги на подданство императорскому престолу» (с. 110). При этом И.Х. Тхамокова по ситуации на начало XIX в. пишет, что кабардинцам разрешалось пересекать Кавказскую Линию «только „по билетам российского пристава“, которые давались под поручительство верховного князя Кабарды» (с. 562).

Северокавказский фронт России был похож на Военную границу монархии Габсбургов тем, что сюда также переселялись немцы. В статье Т.Н. Плохотнюка «Немецкий вектор Северокавказского фронта» рассказывается про две основные волны немецкой колонизации на Северном Кавказе. Обе эти волны представляли переселение немцев-лютеран и относятся ко второй половине XIX в., так как до этого колонизация немцами этих мест шла медленно из-за боязни жить на линии боевых действий (с. 439). Однако российские власти смогли обустроиться только первой волне. Т.Н. Плохотнюк объясняет это желанием властей использовать переселенцев в первую очередь в роли «некого „катализатора“ или „закрепителя“ процессов как в производственной, так и в духовной сферах, чтобы здесь в очередной зоне контакта христианского и исламского мира не только обеспечить прочность геополитической позиции России, но и устойчивость христианской цивилизации» (с. 445). Таким образом, в отличие от Габсбургской монархии, где на Военную границу переселяли лишь немцев-католиков для усиления на ней государственной религии, российские власти были заинтересованы именно в протестантах, которые в отличие от католиков составляли меньше конкуренции православным, зато могли христианизировать горцев-мусульман, да и сами со временем перейти в православие.

Идея о существенном отличии российского фронта от других европейских, а именно – его подвижность (цель продвинуть границу на юг) – развивается в статье Ю.Ю. Клычникова «Влияние специфики северокавказского фронта на военно-политическую деятельность А.П. Ермолова». Таким образом, автор здесь абсолютно солидарен с концепцией тамбовского коллектива историков (Д.С. Жуков, В.В. Канищев, С.К. Лямин) о подвижности фронта, а также Л.В. Бaeвой с ее «энергией фронтного человека».

Рассматривая казачьи регионы через призму граничной методологии, концепции «свой – чужой», исторической памяти, психоистории и др., российские исследователи продвинулись в развитии отечественных междисциплинарных исследований в соответствующих направлениях. Особый вклад сделан в прогресс российской лимологии как нашей отечественной вариации большого направления междисциплинарных граничных исследований.

Список литературы

1. Границы и пограничье в южнороссийской истории: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов на/Д.: Изд-во Южного федерального ун-та, 2014. 627 с.

2. Анчабадзе Ю.Д. Рец. на: Границы и пограничье в южнороссийской истории. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.). Ростов на/Д.: Изд-во Южного федерального ун-та, 2014. 627 с. // Этнографическое обозрение. 2016. № 3. С. 180–183.